

РЕЦЕНЗИЯ

История советского проекта: драма в пяти конституциях

Андрей Румянцев*

Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017

Книга, рассмотренная в рецензии, описывает конституционно-политическое и конституционно-правовое развитие России и СССР в XX веке. Представленное исследование предлагает ретроспективную реконструкцию причин и мотивов русской революции, задач, которые её участники стремились решить, а также использованных для этого способов. Оригинальность трактовки работы заключается в том, что понятие «революция» охватывает период времени длительностью в несколько десятилетий. Книга предлагает ряд интересных интерпретаций, в частности коммунистическая партия рассматривается как элемент аппарата публичной власти и квазидемократическая организация. Будучи формально историческим исследованием, работа благодаря использованию комбинации теоретических подходов ряда дисциплин, включая политологию и юридические науки, иллюстрирует социальные закономерности и тем самым помогает улучшить качество прогнозов развития России на современном этапе. Вместе с тем познавательный оптимизм работы нуждается в дополнительном обосновании.

DOI: 10.21128/1812-7126-2017-6-145-151

→ Революция; номинальная конституция; советы; миф; когнитивный метод

1. Революция длинной в три четверти века

Книга «Политическая история русской революции» примечательна во многих отношениях. Сразу нужно обратить внимание на специфическое использование понятия «революция». Это не некое точечное событие, произошедшее в 1917 году, а длительный процесс, бывший реакцией на определённую социальную проблему, которую он был призван разрешить. Как следствие такого подхода, рассматриваемый в книге период простирается от начала XX века до середины 1990-х годов. Завершающим актом этого революционного столетия является разгон Верховного Совета РФ в 1993 году и введение новой конституции, причём автор искусно связывает эти события с 1917 годом: «Президент Ель-

цин сделал то, что не удалось сделать Временному правительству в 1917 году — ликвидировал советскую систему и осуществил переход от однопартийной диктатуры к авторитарной демократии» (с. 595). По сути, книгу можно было бы назвать «Политическая история советского проекта».

Правда, придание столь большого значения системе советов находится в противоречии с тезисом самого автора об их второстепенной роли. Согласно этой позиции, в 1917–1918 годах советы были лишь тактическим инструментом в борьбе большевиков за власть, превратившись позднее в декорацию, выполнявшую в лучшем случае вспомогательные функции под жёстким контролем партаппарата. Значение советов было преимущественно символического плана: они должны были олицетворять принципиально новый подход к решению вопроса о власти в обществе. Впрочем, возможно, это означает, что тезис о завершении революции 1917 года

* Румянцев Андрей Георгиевич — доктор права (Dr. jur.), Москва, Россия (e-mail: post@law.net.ru).

в 1993 году также носит символический характер. Однако тогда остаётся открытым вопрос о её фактическом завершении.

2. История пяти конституций

Книга уделяет особое внимание конституционной истории ранней РСФСР и СССР. Подробно рассмотрена разработка всех советских конституций: РСФСР — 1918 года, СССР — 1924, 1936, 1977 годов. Кроме того, отдельная обширная глава посвящена так и не принятой «хрущёвской» конституции, которую автор условно называет конституцией 1964 года, когда её разработка была прервана (формально приостановлена) после смещения Н. С. Хрущёва. Главы, посвящённые отдельным конституциям, построены по общей схеме, что облегчает сравнение описываемых в них событий.

Конечно, характер и подробность изложения во многом зависят от набора источников и степени документированности описываемой эпохи. Автор особо указывает на то, что работы по конституции 1964 года были хорошо документированы (с. 489), что доказывает и соответствующая глава. Вообще, интенсивное использование источников является отличительной особенностью книги. Автор поднял большие объёмы архивных документов, а также литературы, в том числе написанной современниками исследуемых исторических периодов. По этой причине книга может служить хорошим источником библиографии для дальнейшего изучения затронутых в ней вопросов.

Процессы создания конституций поставлены в контекст социальной ситуации рассматриваемых эпох. Показаны задачи, которые пытались решать разработчики: реальные или мнимые. Сам процесс разработки изложен весьма детально, с приведением спектра разных позиций о структуре новых конституций и содержании их норм. Интерес вызывают разделы книги, посвящённые «обратной связи», а именно тому, что думали о принимаемых конституциях простые граждане. Особенностью процесса разработки конституций 1936 и 1977 годов было их «всенародное обсуждение». В первую очередь оно служило легитимации режима и мобилизации масс, которые реально не имели возможности влиять на содержание обсуждаемых

ими норм будущих конституций. При разработке конституции 1964 года до такого обсуждения дело не дошло, но разработчики тем не менее изучили «предложения граждан», поданные по конституционным вопросам в 1961—1963 годах. Разнообразие зафиксированных позиций показывает, что советское общество во все эпохи не представляло собой гомогенную картину, которую мы привыкли видеть по фильмам соответствующих эпох или сообщениям официальной печати. Конечно, критические высказывания в основном поступали в анонимной форме и не предавались огласке, оставаясь предметом внутреннего изучения.

При разработке советских конституций большую роль играла идеология, что ставило разработчиков перед сложной задачей в тех случаях, когда им было нужно поменять «ориентацию». Так, в книге детально описан непростой переход от «ленинской» непосредственной демократии (точнее: «демократии») съездов советов, закреплённой в Конституции 1924 года, к «сталинскому» парламентаризму в Конституции 1936 года. Тогда советской власти удалось виртуозно решить многогранную задачу: ввести более адекватную текущему моменту систему органов власти, избежать обвинений в буржуазном ревизионизме, но одновременно убедить иностранных наблюдателей в предстоящей демократизации режима. Вообще, по прочтении книги складывается впечатление, что создатели номинальных советских конституций решали гораздо более сложную задачу, чем авторы реальных: им нужно было разработать документ, описывающий систему, выполняющую не те функции, которые декларировались. Причём важно было не запутаться самим, что же имелось в виду на самом деле.

Правда, впоследствии партийно-советская система потеряла интуицию и гибкость. И хотя поздняя советская элита, скорее всего, не очень верила в декларируемые постулаты марксизма-ленинизма, отступить от них, не ломая систему целиком, у неё не получилось. Приведём одно высказывание из книги, которое можно назвать «формулой краха»: «Невозможность (или неспособность) разделить идеологию и принятие управленческих решений привели к тому, что кризис однопартийной диктатуры стал кризисом государства как такового» (с. 568). Этот негативный опыт

может быть полезен в современной России, в которой заметно желание усилить влияние идеологического момента. В ходе реидеологизации общества важно соблюсти меру, чтобы, с одной стороны, устранить тот идеологический вакуум и хаос, которые возникли после развала СССР, но с другой — не оказаться в ловушке одной раз и навсегда заданной идеологии.

3. Забегая на десятилетия вперед

Разработка каждой из советских конституций была интересна по-своему. Например, подготовка и принятие сталинской конституции сопровождалась или даже, скорее, являлись мощной кампанией пиара. С содержательной точки зрения наиболее интересными были, пожалуй, дискуссии конституционной комиссии, занятой разработкой так и не принятой конституции 1964 года. Некоторые из поднятых тогда проблем в наше время приобрели универсальное значение. Напомним, что в это время предполагалось, что в СССР в течение обозримого отрезка времени будет завершён переход к коммунизму, в связи с чем возникла необходимость в более чётком определении того, что же коммунизм означает. Одна из позиций была сформулирована в подкомиссии под председательством А. Н. Косыгина, занимавшейся экономическими аспектами будущей конституции. В соответствии с ней в ходе перехода к коммунизму принцип распределения «по труду» должен был быть заменён на принцип «внеэкономического (т. е. бесплатного) распределения материальных и духовных благ» (с. 456). Эта идея перекликается с современными требованиями введения так называемого безусловного базового дохода: все граждане определённой страны получают регулярные выплаты из централизованного публичного источника. Основным мотивом для этого требования является ожидание роботизации экономики и связанное с этим высвобождение огромных масс работников. Существуют разные модели безусловного дохода. Одна из них, которую можно назвать «финской», так как она была предложена и доведена до высокой степени готовности в Финляндии¹, предполагает выплаты на уров-

не прожиточного минимума и с экономической точки зрения может быть реализована уже сейчас. В этом смысле коммунизм, а точнее, одна из его версий перестаёт быть утопией и начинает приобретать черты реальности.

Другим аспектом движения к коммунизму, как это представляли себе разработчики конституции 1964 года, была постепенная замена правового регулирования моральным, в итоге чего добровольное соблюдение правил должно было стать «внутренней потребностью человека» (с. 458). Но это, на первый взгляд, наивное ожидание не имеет разумных альтернатив. В условиях постоянно усложняющегося и динамичного современного общества попытка урегулировать всё нормами права, издаваемыми государством, обречена на провал и приведёт лишь к чудовищному объёму мелочной регламентации, процесс, который мы можем наблюдать в современной России. Общество, субъекты которого в *основной своей массе* не способны к саморегуляции поведения, не сможет конкурировать на равных со странами, где это удалось.

4. Беспартийная однопартийность

Несмотря на то что книга содержит ряд оригинальных идей, она воспроизводит некоторые ходовые клише, как, например, выражения «однопартийный режим» или «однопартийная диктатура». На наш взгляд, определение «однопартийный» неверно описывает сущность партии большевиков, а позднее КПСС. Понятие политической партии обозначает организацию со специфическими задачами, включая участие в конкурентной борьбе за власть с другими партиями, причём с применением особых политических методов. Из этого следует, что говорить о партии в собственном смысле этого слова можно лишь при наличии как минимум другой, конкурирующей партии. Сингулярность партии означает, что перед нами организация иного рода, являющаяся партией лишь в силу своего (само)названия.

условий. Целью эксперимента, который продлится два года (2017–2018), является изучение поведения людей на рынке труда. URL: <http://www.kela.fi/web/en/basic-income-objectives-and-implementation> (дата обращения: 08.12.2017).

¹ В настоящее время в порядке эксперимента 2000 финнов получают регулярные выплаты без каких-либо

Партия большевиков была таковой в период до, во время и сразу после революции. Однако самое позднее после ликвидации партии левых эсеров она превратилась в системообразующую силу новой власти. Интересно, что в книге называются два варианта того, как *иначе* можно было бы охарактеризовать сущность коммунистической партии. Во-первых, её можно рассматривать как составную часть аппарата публичной власти (понятие которой шире, чем власть государственная). Об этом, кроме всего прочего, свидетельствует неразрешимая проблема разграничения функций и полномочий партийных органов и советов, задача, которую так и не смогли решить авторы советских конституций. Во-вторых, коммунистическую партию можно рассматривать как касту жрецов. Эта точка зрения была высказана видным большевиком М. Покровским ещё в 1924 году. Он сравнил Ленина с Кальвином, одним из деятелей Реформации, и называл кальвинизм «протестантским ленинизмом». Покровский проводил параллели между Женевой, государственное устройство которой в XVI веке было основано на постулатах Кальвина, с устройством молодого советского государства. Как указывает А. Медушевский, «в обоих случаях речь шла о государстве теократического типа, где идеологические институты контролируют политические и административные» (с. 309). Более того, в обоих случаях этот контроль был преимущественно фактическим, не облечённым в формально-легальную форму. Последняя получила явное закрепление лишь в Конституции СССР 1977 года (пресловутая статья 6) на излёте коммунистического проекта. Сталинская конституция 1936 года хотя и именовала ВКП(б) «передовым отрядом трудящихся» и «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (статья 126), ничего не говорила о полномочиях, которыми была наделена партия. Отсутствием формального закрепления кальвиновская Женева и СССР отличаются от современного Ирана, в конституции которого роль духовенства регламентирована достаточно подробно.

Правильная классификация коммунистической партии влияет самым непосредственным образом на качество прогнозирования последствий политико-правовых решений. Это очевидно на примере требования о вве-

дении многопартийности и ослаблении влияния КПСС на государственный аппарат. Если бы КПСС являлась обычной политической партией, то введение многопартийности привело бы к созданию механизма или, как минимум, ситуации политической конкуренции, которая, возможно, помогла бы решить соответствующие задачи, в первую очередь обеспечение легитимации публичной власти. Однако если мы становимся на позицию того, что КПСС — это часть аппарата публичной власти, причём наиболее эффективная, то наш прогноз сразу меняется принципиальным образом: ослабление роли КПСС будет означать ослабление всего механизма публичной власти, явление особо опасное в период проведения сложных и необязательно популярных реформ «сверху». События последних лет существования СССР наглядно подтвердили правильность именно последнего варианта. Компромиссный вариант действий КПСС — честно конкурировать с другими партиями на электоральном поле и одновременно быть системообразующей силой, по меньшей мере на время переходного периода — на практике является труднореализуемым и в любом случае требовал бы больше времени и большей планомерности действий, чем это имело место в реальности. Можно добавить, что такой сценарий до сих пор не реализован и в современной России, где «партия власти» имеет особые условия при участии в выборах. Но по сравнению с КПСС «Единая Россия» не является ни эффективной частью аппарата публичной власти, ни организацией, обеспечивающей идеологическую индоктринацию. Вообще, как минимум с точки зрения стороннего наблюдателя, непонятно, какие функции эта «партия» выполняет в принципе. И в этом смысле современная партийно-политическая система, возможно, даже представляет собой шаг назад по сравнению с советской.

5. Когнитивный метод

В исследовании применён так называемый когнитивный метод, являющийся, по словам автора, новым словом в методологии исторической науки. В самой книге этот метод представлен лишь в нескольких абзацах. Из них можно понять, что особое внимание уделено реконструкции взглядов, ощущений населе-

ния и групп элиты во время изучаемых событий: «Суть когнитивной теории — понимание психологической мотивации и установок поведения людей в истории на основе реконструкции информации источников — интеллектуальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности» (с. 10).

В соответствии с этим подходом причины революции объясняются с помощью закона Токвиля: опережающий рост завышенных ожиданий начинает расходиться с реальным развитием экономики и политики, что приводит к фрустрации населения и вызывает у него социальную агрессию. Иными словами, непосредственные причины революции носят психологический характер. Такой подход к историческим (и социальным) исследованиям можно назвать социально-психологическим. Однако в некотором смысле это тривиальность. История состоит из действий людей, а те, за редким исключением (рефлекс), действуют под влиянием своего сознания, психики, которые в свою очередь испытывают влияние со стороны разнообразных факторов. В этом контексте примечательно стремление автора отграничить когнитивный метод от психологического детерминизма, в случае которого «речь идет о том, что преемственность исторической традиции определяется не сохранением институтов, а воспроизводством определенных психологических стереотипов в виде так называемой “исторической памяти”» (с. 13). Заканчивая обсуждение этого аспекта, можно лишь констатировать, что для того, чтобы понять, в чём, собственно, заключается новизна когнитивного метода, придётся обратиться к другим произведениям, где этот метод изложен систематически и детально.

6. История = политология, политология = история

По своей сути книга находится на пересечении нескольких наук, в первую очередь истории, политологии и права. В этом смысле название «политическая история» верно отражает содержание работы. Её можно было бы назвать и наоборот: историческая политология. Это сочетание не является случайным. Если мы исходим из того, что социальные процессы подчиняются единому набору закономерностей, то принципиальной разницы

между изучением событий прошлых эпох и текущих нет. Конечно, не все методы можно применять в обоих случаях. Например, в историческом исследовании нельзя провести опрос современников. Зато историческое исследование имеет перед собой некую законченную траекторию событий, в то время как рассматривая текущие процессы, мы не можем с точностью знать, что произойдёт в будущем. Однако эта особенность исторических исследований таит в себе опасность подгонки объяснения изучаемых процессов под уже известный итог. Так, в книге подчёркиваются системные проблемы советского конституционно-политического строя, заложенные в момент его появления. Более того, характер изложения материала книги таков, что её можно было бы назвать «История ошибок и заблуждений партийно-советской системы». С учётом того, что мы знаем, чем советский проект завершился, это выглядит логично. Тем не менее возникает вопрос о том, почему, несмотря на наличие такого количества недостатков, эта система продержалась больше семидесяти лет. Вообще, не очень понятно, насколько уверенным в глубине пороков советской системы мог быть автор, если бы он создавал это исследование в период внешнего блеска последней. В связи с этим можно вспомнить про системный провал институциональной западной советологии, которая не смогла предсказать развал Советского Союза². Это оказалось справедливо как для академических авторов, так и для аналитиков спецслужб. О предстоящем падении советского строя в 1960–1970-е писали в основном авторы, которых принято называть «маргинальными»³.

Будучи историческим исследованием, книга, тем не менее, привязана к современности.

² См., например: *Lipset S.M., Bence G. Anticipations of the Failure of Communism // Theory and Society. Vol. 23. 1994. No. 2. P. 169–210.*

³ Это слово не имеет целью дать уничижительную оценку, а лишь показывает, что эти авторы не были включены в институции, не писали свои работы «за зарплату», иными словами, были абсолютно свободны в самовыражении. Типичным примером произведения такого рода была работа Андрея Амальрика «Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?». URL: http://vtoraya-literatura.com/pdf/amalrik_prosushhestvuet_li_sovetsky_soyus_do_1984_goda_1970_text.pdf (дата обращения: 08.12.2017).

Она способна дать читателю ориентиры для того, чтобы он мог лучше оценить возможные варианты развития текущих событий в России. Одновременно теряет смысл известная фраза о том, что история не знает сослагательного наклонения. История не знает, но историческая наука вполне. Действительно, адекватно построенное историческое моделирование может менять определённые переменные и пытаться «предсказать», каковым мог бы быть вектор развития в этом случае. Такое моделирование не отличается принципиально от моделирования в других общественных науках.

Однако здесь все общественные науки, включая историческую, натываются на границы своих возможностей. Любой социальный процесс, в прошлом или настоящем, зависит от совокупности объективных и субъективных факторов. Наука может адекватно изучать объективные факторы, но субъективные являются для неё крайне неудобным объектом исследования. Ситуация с качеством прогнозов усугубляется их разнообразием. Так, в книге приводятся работы современников, в которых те давали правильный прогноз будущего развития СССР. Например, в момент создания и конституционного закрепления советского федерализма нашлось немало наблюдателей, которые критиковали то, что в его основу положен национально-этнический принцип, так как это, по их мнению, было способно привести к кризису и разрушению страны. Как мы знаем сейчас, критики оказались правы. Эта ситуация является типичной. Среди множества высказываний, гипотез и моделей, циркулирующих в научно-аналитической и публицистической среде в каждый отдельно взятый момент времени по определённому вопросу, наверняка найдутся правильные. Проблема «лишь» в том, чтобы понять — какие.

7. Фатализм не пройдёт

Излюбленный вопрос, который любят задавать по поводу событий 1917 года, была ли революция в России в 1917 году неизбежной, создаёт лишь псевдоинтригу, потому что на него существует однозначный и тривиальный ответ: революция была возможной, но не неизбежной. Эта позиция нашла своё выражение и в книге (с. 75).

Возможной революция была, потому что в стране сложились объективные предпосылки, пресловутая революционная ситуация. Однако то, что она переросла в революцию, которая к тому же победила, стало результатом ряда случайных событий. Достаточно вспомнить историю корниловского мятежа в августе 1917 года. Обосновать альтернативные варианты данного выше ретроспективного прогноза окажется гораздо сложнее. Высказывание «революция была невозможной» неверно в силу того, что она уже произошла. Высказывание «революция была неизбежной» натывается на огромное количество фактов, которые будут работать против него, включая мнение самих участников предстоящей революции, которые до февраля 1917 года в основной своей массе, как позднее западные советологи, верили в то, что текущий режим в России просуществует ещё длительное время.

Библиографическое описание:

Румянцев А. История советского проекта: драма в пяти конституциях: Рецензия: Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017 // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 145–151.

History of the Soviet project: drama in five constitutions

a book review

Medushevsky A. N. (2017) *Politicheskaya istoriya russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noy mobilizatsii v 20 veke* [Political history of the Russian revolution: norms, institutes, forms of the social mobilization in the 20th century], Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ

Andrey Rumyantsev

Dr. jur., Moscow, Russia (e-mail: post@law.net.ru).

Abstract

The reviewed book covers the political, constitutional, and legal development of Russia and the USSR during the 20th century. The research goal is to create a retrospective reconstruction of the reasons and motives of the Russian Revolution and its mission, as well as the methods that were used. The original approach considers the Revolution as a process lasting several decades. The book does not consider the revolution to be a particular event

that took place in 1917, but rather a long process that serves as a reaction to a specific social problem that it was supposed to solve. As a result of this approach, the considered period in the book extends from the beginning of the 20th century to the middle of the 1990s. The final act of this revolutionary century was the dispersal of the Supreme Soviet of the Russian Federation in 1993 and the introduction of a new Constitution, which the book's author connects to the events of 1917. The book provides a number of other fascinating interpretations. In particular, it regards the Communist Party as a part of the system of public authorities and as a quasi-theocratic organization. In spite of its formally historical nature, the study explains social patterns and thereby contributes to a better understanding and forecasting of current developments in Russia, thanks to its use of a combination of methods from different research areas, including political science and legal theory. However, the high level of scientific knowledge potential that is presumed by the author needs more substantiation.

Keywords

revolution; nominal constitution; soviets; myth; cognitive research method.

Citation

Rumyantsev A. (2017) *Istoriya sovetskogo proekta: drama v pyati konstitutsiyakh: Retseziya: Medushevsky A. N. Politicheskaya istoriya russkoy revoliutsii: normy, instituty, formy sotsial'noy mobilizatsii v 20 veke*, Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017 [History of the Soviet project: drama in five constitutions: A book review: Medushevsky A. N. Political history of the Russian revolution: norms, institutes, forms of the social mobilization in the 20th century]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 6, pp. 145–151. (In Russian).

References

- Amalrik A. (1969) *Prosushchestvuet li Sovetskiy Soyuz do 1984 goda?* [Will the Soviet Union Survive Until 1984?]. Available at: http://vtoraya-literatura.com/pdf/amalrik_prosushhestvuet_li_sovetsky_soyus_do_1984_goda_1970_text.pdf (accessed: 08.12.2017). (In Russian).
- Lipset S. M., Bence G. (1994) Anticipations of the Failure of Communism. *Theory and Society*, vol. 23, no. 2, pp. 169–210.